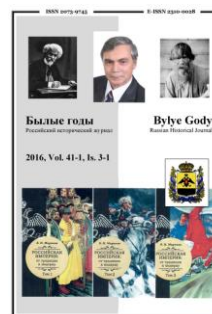

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 965-972, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

Russian Imperial Principles and Technologies of the Management of Ethno-Confessional Diversity and of the Integration of Traditional Socio-Cultural Systems

Igor I. Verniaev^{a, b, *}

^a Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

This article discusses the new monograph by Boris Mironov, “The Russian Empire: From Tradition to Modernity,” which is devoted to the social history of Russia in the imperial period. One of its main characteristics is its fundamental interdisciplinarity and the use of various research methods and strategies. Mironov synthesizes the approaches of social, economic, political and visual history, social anthropology, historical demography, sociology, political science and psychology. I.I. Verniaev, an ethnographer by profession, views this book through the eyes of an ethnographer and analyzes it from the perspective of social anthropology. In his opinion, Mironov succeeded in deeply analyzing the principles and technologies of management of ethnic and confessional diversity and the transformation of traditional socio-cultural institutions. The article discusses how Mironov identifies and analyzes such imperial principles and technologies of management of ethno-confessional diversity, modernization, and integration of socio-cultural systems as maintaining the status quo, the relative autonomy of ethnic groups in the early stages of incorporation of the national borderlands, ethnic and religious tolerance, the use of intermediate symbiotic (neo-traditional, in terms of ethnography) institutions, confessionalization, the predominance of social rather than ethnic assimilation, legitimation and the ennoblement of national elites, their inclusion in the system of governance of the empire, the extension and adaptation of the estate system to include new groups of the population from the national borderlands, the confessionalization of religions, and the empowerment of the clergy through rights and responsibilities in the administrative system. These processes are interpreted in terms of models of traditional societies and cultures developed in modern ethnography, and the manner of their modernization and incorporation into modern society.

Keywords: Russian Empire; modernization; ethno-religious politics; imperial integration; traditional socio-cultural systems; interdisciplinarity; colonization; multi-conception approach; social assimilation; Imperial ethno-paternalism.

This research was supported by grant N 15-18-00119 from Russian Science Foundation.

Одной из основных характеристик обсуждаемой книги является ее принципиальная междисциплинарность и использование разнообразных исследовательских стратегий. Автор синтезирует подходы социальной, экономической, политической, визуальной истории, социальной антропологии/этнографии, исторической демографии, социологии,

* Corresponding author

E-mail addresses: i.verniaev@spbu.ru (I.I. Verniaev)

политологии и психологии (Миронов, 2014: 11–13). Преодоление дисциплинарных границ, множественность подходов, методов и проекций позволило исследователю создать масштабную, многомерную, динамическую модель истории Российской империи, ее движения «от традиции к модерну» в демографическом, экономическом, социальном, правовом, культурном и ментально-психологическом аспектах.

Являясь представителем этнографической науки, я читал эту книгу, конечно, в большей мере «глазами этнографа». Пути и типология трансформации традиционных социумов и культур, их интеграция в современные (в широком смысле) общественные и государственные (в том числе имперские) системы, способы управления этноконфессиональным разнообразием являются важнейшими тематиками социальной антропологии/этнографии второй половины XX – начала XXI в. В рамках данной группы проблем обсуждаемая монография известного историка является ценным источником первичных данных, их глубокого аналитического осмысления и обобщающих моделей.

Интеграция этноконфессиональных групп в государственном целом, включение в «большое общество» и модернизация традиционных социумов с их спецификой в хозяйстве, праве, социальных структурах всегда и для всех стран далеко не тривиальная задача. Пути модернизации традиционных обществ и культур сопровождаются нередко опасностями дезинтеграции, разрушения одного типа социальной «ткани», хозяйственных и культурно-бытовых моделей без создания другого. Изучение исторических вариантов успешных и неуспешных трансформаций традиционных обществ, перехода к современным экономическим, социальным и политическим институтам, симбиоза традиционных и современных структур является актуальной задачей как с точки зрения науки, так и практической политики. Российский исторический опыт в этом отношении особенно объемный и разнообразный. В имперский период истории России как исключительно разнообразной в этноконфессиональном плане страны решались сложные многоаспектные задачи интеграции и модернизации даже не одного типа традиционного общества и культуры, а множества различных по своим базовым характеристикам типов.

Одну из ключевых тем обсуждаемой книги можно обозначить как исследование принципов, а также своего рода «технологий» управления этноконфессиональным разнообразием, имперской интеграции и модернизации традиционных обществ и «национальных окраин». Автор выделяет три группы долговременных принципов имперской политики в этой сфере: 1) сохранение статус-кво, использование косвенного, непрямого управления, предоставление широкой автономии присоединяемым территориям и проживающим там этническим группам, в особенности на первых этапах интеграции; 2) включение национальных элит в систему управления империи, сотрудничество с ними имперского центра, преобладание социальной ассимиляции над собственно этнической, важность прежде всего политической лояльности интегрируемых обществ и их лидеров; 3) этническая и конфессиональная толерантность, отсутствие по большей части правовой дискриминации по национальному или конфессиональному признаку. В целом эти принципы автор определяет как парадигму «имперского этнопатернализма» (Миронов, 2014: 115–144).

Этот тип «национальной политики», политики управления этноконфессиональным разнообразием определялся, как показал Б.Н. Миронов, в значительной степени объективными факторами. Стремительно расширяясь, империя на протяжении многих десятилетий находилась в состоянии «недоуправления национальными окраинами», которое обуславливалось в свою очередь дефицитом ресурсов, недостаточным развитием транспортно-коммуникационной и иной инфраструктуры, недостатком кадрового обеспечения управленческой сферы. Не обладая достаточными ресурсами и инфраструктурой, имперский центр, даже если в стратегическом плане и стремился к этому, не имел возможности быстро, в рамках единой модели интегрировать и унифицировать разнообразные присоединяемые территории, этнические группы, их социокультурные и правовые системы (Миронов, 2014: 144–152). Поэтому имперская политика была достаточно гибкой, прагматичной, приспособляющейся и учитывающей специфику сложившихся хозяйственных моделей, социальных структур, правовых норм и культуры присоединяемых народов, опирающейся нередко на местные властные иерархии и их мобилизационные возможности. Кроме того, это была по сути не одна, а множество политик, порой существенно различающихся по отношению к различным регионам и этноконфессиональным средам. При этом, конечно, выработанные технологии интеграции и модернизации могли

заимствоваться из одного региона, одной окраины в другую, становиться модельными и тиражироваться.

Конкретизируя принципы и подходы имперской этноконфессиональной политики, можно выделить ряд своего рода имперских управленческих «технологий», позволявших осуществлять как «сборку» имперского пространства, так и постепенную, достаточно гибкую и непрямолинейную интеграцию регионов и этнических групп.

Так, Б.Н. Миронов вводит понятие «промежуточных, компромиссных институтов», пишет о «симбиозах старых и новых институтов» (Миронов, 2015b: 635, 639, 659, 721, 732). Часть такого рода промежуточных «компромиссных институтов» на языке этнографической науки можно было бы обозначить также как «неотрадиционные». Конструирование на базе эндогенных социокультурных, правовых и потестарных систем своего рода «неотрадиционных институтов» обеспечивало относительную стабильность в реализации процессов имперской интеграции, формировало преемственность и тем самым предотвращало разрушительную деструкцию социальной ткани в процессах интеграции и модернизации. В ходе неотрадиционного конструирования эндогенные практики и институты обобщались, сокращалась их излишняя вариативность, уровень социокультурного и правового разнообразия, происходила их адаптация и встраивание в систему государственного управления. Имперские администраторы при активном участии местных элит, на основе взаимодействия и компромисса формировали своего рода обобщенную модель региональных институтов управления, права, значимых социальных и конфессиональных институтов и практик, легитимизировали и тиражировали эту симбиотическую модель в рамках интегрируемого региона. Тем самым ресурсы, потенциал, возможности мобилизации и самоуправления территориально-общинных, региональных, родоплеменных и этнических систем инкорпорировались в имперское целое.

Яркий пример конструирования такого рода неотрадиционных, «промежуточных» институтов – разработанный М.М. Сперанским и его сотрудниками «Устав об управлении инородцев» 1822 г. и его последующая реализация. Известно, что модель Устава создавалась в ходе изучения аборигенных обществ, тесного взаимодействия между разработчиками и отдельными группами местного населения (прежде всего Байкальской Сибири), их элитами, в процессе самой управленческой практики, решения конкретных проблем и задач. Как известно, для обществ традиционного типа характерны как высокая степень локальной вариативности, так и сосуществование альтернативных институтов и практик в рамках одних и тех же групп. Наблюдения над технологиями управления показывают, что в ходе конструирования неотрадиционной реальности имперскими властями нередко из разных вариантов эндогенных институтов и практик выбирались наиболее предпочтительные, отсекались нежелательные и считающиеся «нецивилизованными», а выбранные варианты легитимизировались, обобщались и становились обязательными. «Устав об управлении инородцев», создавая «промежуточные институты» (к числу таких институтов можно отнести, например, степные думы сибирских «кочевых инородцев» как базовые институты самоуправления, созданные на основе территориально-племенных сообществ, обобщенные и кодифицированные нормы обычного права, систему наследования должностей в местном инородческом управлении и др.), решал двоякую задачу: с одной стороны, сохранить существующие социокультурные институты и тем самым избежать дезинтеграции местных сообществ, с другой стороны, создать механизмы интеграции в имперское управленческое, правовое и культурное пространство. Региональные системы «инородческого», «военно-народного» управления, низовых структур самоуправления и других достаточно успешно, эффективно, но при этом без форсирования, излишних перегрузок и разрывов преемственности справлялись с интеграционными задачами.

Процессы интеграции в имперское пространство запускали также процессы формирования своего рода обобщенных, над-локальных форм этнических/национальных культур и соответствующей идентичности. Автор обсуждаемой монографии приводит пример так называемого «якутского культурного классицизма» конца XVIII–XIX в., который стал результатом обобщения, интеграции в имперском контексте локальных вариантов традиционной культуры, формирования комплекса наиболее ярких этнокультурных черт якутского народа (Миронов, 2014: 119). Империя, реализуя в регионах совместно с сообществами и их элитами интеграционные стратегии, создавая широкую сцену для взаимодействия между различными группами населения, была своего рода лабораторией надлокальных национальных культур и идентичности.

К числу обсуждаемых «промежуточных институтов» относятся и общинные институты русского населения, анализу функционирования и трансформации которых уделено значительное место в обсуждаемой книге. Община сочетала в себе черты института традиционного типа и базовой единицы государственного управления, механизма связи, с одной стороны, локального сообщества, с другой – общества и государства в целом. В этом смысле русскую общину имперского периода также можно определить как неотрадиционный институт. Один из ключевых общинных элементов – созданный государством в рамках Великих реформ на базе крестьянских судебных практик и легитимизированного обычного права волостной суд – стал одновременно важным механизмом модернизации и интеграции крестьянского судопроизводства в общегражданскую правовую систему (Миронов, 2015b: 108–109). Анализируя аграрную реформу начала XX в., Б.Н. Миронов пришел к выводу, что ее успех определялся во многом тем, что реформирование общинных институтов шло «в несколько приемов, постепенно (например, общинная собственность трансформировалась сначала в личную, а потом в частную; земельные переделы не отменялись сразу, а ограничивались по срокам, круговая ответственность заменялась личной и т. п.) посредством *последовательных промежуточных институтов*». Эта стратегия, по мнению исследователя, сочетала «преимущества “выращивания” и “конструирования” новых институтов», предоставляя при этом возможность «управления темпом институционального строительства» (Миронов, 2015a: 243). Тем самым пошаговая управленческая технология «промежуточных институтов» работала и при решении задач модернизации традиционных (и неотрадиционных) институтов.

Рассматривая с точки зрения этнографа опыт Российской империи в ходе модернизации традиционных структур, следует заметить, что современная этнография отказалась от излишне холистских взглядов на общества традиционного типа. Холистский взгляд подразумевает, что все подсистемы традиционного общества, как то: хозяйственная модель, социальные структуры, обычно-правовые нормы, духовная культура и др. – жестко взаимосвязаны, однозначным образом коррелируют друг с другом, прямолинейно соответствуют друг другу. Исследования процессов модернизации традиционных обществ, их интеграции в современные экономические и социально-политические системы показали, что, например, многие традиционалистские институты (родоплеменные, территориально-общинные, патрон-клиентские, кастовые и др.) могут вполне сочетаться с активной и успешной адаптацией обществ с такими социальными структурами в современной индустриальной и постиндустриальной экономике, политическом процессе. То же касается и традиционной духовной культуры, традиционалистских ментальных установок, которые нередко сочетаются с эффективным участием в современных экономических, социальных и политических процессах и институтах (Tax, 1941; Malinovski, 1960; Мердок, 2003: 221–222; Эриксен, 2014: 28–30).

Соответственно реформаторам нет необходимости осуществлять своего рода тотальную трансформацию всех подсистем общества традиционного типа, одновременно и в исторически короткие сроки. Такого рода тотальные трансформации, как показывает опыт и российского государства, и других стран, нередко приводят к социальной деструкции. Наличие устойчивых социальных структур традиционного типа не означает автоматически, что общество при их сохранении будет невосприимчиво к технологическим и экономическим трансформациям. Успех нередко ждал те государства и тех реформаторов, которые умели актуализировать, задействовать потенциал устойчивых традиционных социальных структур и мобилизационные возможности традиционных элит в своих модернизационных проектах. На мой взгляд, порой излишне тотальный, холистский подход к реформам, процессам модернизации и унификации национальных регионов России в последние десятилетия XIX – начале XX в. привел в итоге к возникновению дезинтеграционных тенденций в некоторых из них. Не было необходимости в одновременной трансформации всех подсистем симбиотической институциональной системы, сложившейся в регионах (скажем, не было необходимости в Байкальской Сибири одновременно проводить землеустроительную реформу, существенно изменявшую хозяйственную модель, административную реформу, ликвидировавшую созданные по Уставу 1822 г. институты самоуправления с их устоявшимися элитами, языковую русификацию, и все это – на фоне усиления миссии по христианизации). Прделанный Б.Н. Мироновым всесторонний анализ российских имперских технологий интеграции и

модернизации обществ и институтов традиционного типа, процессов их успешного и неуспешного реформирования открывает широкие возможности для проведения межстрановых и межрегиональных сравнительных исследований.

Часть подраздела обсуждаемой монографии по колонизации и национальной политике посвящена теориям фронта, возможностям применения фронтальной модели к истории расширения Российской империи, анализу практик управления национальными окраинами (Миронов, 2014: 108–113). Фронт, фронтальное состояние можно, кроме прочего, рассматривать и как своего рода имперскую технологию интеграции. Для фронтальных состояний была характерна проницаемость границ, гибридные, симбиотические социальные формы, множественность правовых норм, преобладание обычного права, слабость административного контроля, недоуправление, интенсивные обмены, в том числе брачные, симбиозы обменные, торговые, хозяйственные, взаимная аккультурация, отсутствие четко определенных этнических «фронт», формирование смешанных, этнически гетерогенных сообществ в зоне фронта. Это фронтальное состояние благодаря формируемым популяционным, культурным, правовым симбиозам являлось своего рода пред-интеграционной подготовкой, необходимой стадией для последующих, более глубоких процессов административно-управленческой, правовой, инфраструктурой интеграции региона.

Важной технологией управления этноконфессиональным разнообразием, имперской интеграции стали процессы конфессионализации, легитимации существующих в империи религий и религиозных сообществ, включение их в систему государственного управления. Такими признанными религиями были по большей части вероисповедания достаточно крупных этнических групп Российской империи. Признание вероисповедания означало фактически и наделение определенной правовой субъектностью этнических групп. Вероисповедное и этническое в системе имперских категорий было тесно взаимосвязано. Как отмечает Б.Н. Миронов, «конфессиональная толерантность имела принципиальное значение, поскольку империя вплоть до начала XX в. оставалась или, по крайней мере, сохраняла ряд фундаментальных характеристик “конфессиональной империи”, где “привязка” подданного к той или иной конфессии выступала одним из средств социального контроля» (Миронов, 2014: 106–107, 130–132). Конфессионализация подразумевала признание религий и соответствующих религиозных сообществ коллективных субъектов, конфессиональных корпораций, формирование государственной правовой базы их функционирования, покровительство им, защиту, признание особого статуса, прав и привилегий духовных лиц. Вместе с этим конфессионализация включала правовую регламентацию организационного устройства, социальных и религиозных практик церковного сообщества, административный надзор и управление со стороны соответствующих государственных ведомств, наделение духовных лиц обязанностями, включая передачу исполнения части собственно государственных функций, функций метрического учета, социального, морального, административного контроля над паствой, обеспечения связей между паствой и государственными структурами, формирование у верующих представлений о легитимности имперской власти (см., например, «Уставы духовных дел иностранных исповеданий» Свода законов Российской империи). Создание и/или признание управленческой вертикали признанных вероисповеданий и их инкорпорация в имперские структуры управления означали одновременно и постановку под государственный контроль трансграничных связей соответствующей конфессий, предотвращение альтернативной мобилизации части российского населения вокруг зарубежных конфессионально-политических центров.

Важной особенностью российского опыта управления этноконфессиональным разнообразием, механизмом имперской интеграции стала практика создания некоторых преимуществ этническим группам национальных регионов страны, предоставление особого правового статуса «иногородческому» населению, обеспечения их рядом льгот и привилегий. В монографии на конкретных примерах и в целом показаны механизмы обеспечения этих преимуществ – налоговые преференции, широкие права в сфере самоуправления, институционализация местных институтов, вложения в инфраструктуру. Автор констатирует: «Опасение сепаратизма вынуждало центральное правительство поддерживать это ненормальное для истинно колониальной державы положение, даже когда государственные расходы в национальных окраинах превосходили доходы» (Миронов, 2014: 148). Подобного рода политика объяснялась во многом объективными факторами – уже

упомянутым недоуправлением, дефицитом всех видов ресурсов: «...до середины XIX в. держать окраины в узде жесткими методами не представлялось возможным; их можно было сохранить в составе империи только с помощью льгот, преференций, опираясь на местные элиты. Именно это правительство и делало» (Миронов, 2014: 148). Но даже в конце XIX – начале XX в. при проведении политики административной и правовой унификации полного отказа от политики этнопатернализма, преференций национальным окраинам не произошло (Миронов, 2014: 140, 162, 193–194). В связи с этой политикой «имперского этнопатернализма» в исследовании подробно разбирается вопрос о «цене империи». На примере Туркестана в монографии предложена методика расчета «цены империи» – соотношения, с одной стороны, стоимости регионального управления, обеспечения безопасности, вложений, преференций и, с другой стороны, доходов, получаемых от национальной окраины (Миронов, 2014: 139–144).

Еще одной важной чертой имперской «инженерии», исследованной Б.Н. Мироновым, было преобладание в процессе имперской интеграции социальной, а не этнической ассимиляции (Миронов, 2014: 127). Можно сказать, что эта социальная технология заключалась в распространении общероссийской сословной матрицы на вновь присоединяемые национальные территории. При этом можно обратить внимание, что в ходе этой ассимиляции и сама сословная матрица приспособлялась к существующему разнообразию, как бы «вбирая» его в себя. В результате в рамках общероссийских сословий формировались своего рода субсословные категории (как, например, «кочевые инородцы», приравненные к государственным крестьянам, но по ряду аспектов правового статуса и особенностей системы управления имеющие свои особенности). В монографии на материалах переписи 1897 г. проанализировано распределение российских этнических групп по сословиям на конец XIX в. Особенно важным было проведение принципа «социальной ассимиляции» в отношении национальных элит. Их лояльность обеспечивалась во многом сохранением, а нередко и усилением привилегированного статуса, уже в новом для них, имперском пространстве. Приводя общие статистические данные и анализируя отдельные национальные регионы, автор делает вывод, что «национальные элиты не лишались своего привилегированного положения, а, как правило, инкорпорировались (хотя не сразу и не полностью) в состав привилегированных российских сословий» (Миронов, 2014: 122–127).

В результате в Российской империи по мере инкорпорации новых территорий постепенно складывалась полиэтноконфессиональная по своему происхождению имперская элита. Сама по себе принадлежность к той или иной религии и национальности не создавали социальных барьеров, не были препятствием для социальной интеграции, в том числе для продвижения в различные управленческие, элитарные и профессиональные группы. «Этнические критерии хотя и принимались во внимание, но, по существу не мешали продвижению по социальной лестнице. Благодаря этому между социальным статусом и национальностью отсутствовала связь, а политическая, военная, культурная и научная элита России были многонациональными, включавшими протестантов – немцев и финнов, татар-мусульман, католиков-поляков и представителей многочисленных нерусских народов... Вплоть до 1917 г. лояльность трону, профессионализм и знатное происхождение ценились гораздо выше, чем этническая или конфессиональная принадлежность». Как показывает исследователь, как раз в тех регионах, где подобное признание этноконфессиональных элит и их инкорпорация в российские правящие слои не были проведены достаточно последовательно, впоследствии возникли особые проблемы с лояльностью местных этнических сообществ и их лидеров по отношению к имперскому центру, проблемы в области общей региональной стабильности и безопасности (Миронов, 2014: 129).

Подводя итог чтению «глазами этнографа» новой фундаментальной монографии Б.Н. Миронова, следует выразить уверенность, что эта книга с учетом ее принципиальной полидисциплинарности, уникального богатства проблематики и подходов, новизной многих исследовательских моделей и результатов станет на долгие годы для всей социально-гуманитарной научной среды важным «социальным институтом» – широким пространством коммуникации, споров и обсуждений (Миронов, 2013), выдвижения гипотез и формирования новых интерпретаций российской истории имперского периода, сложного пути от «традиции к модерну».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).

Литература

- [Мердок, 2003](#) – Мердок Дж.П. Социальная структура. М.: ОГИ, 2003. 608 с.
- [Мионов, 2013](#) – Мионов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.
- [Мионов, 2014](#) – Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.
- [Мионов, 2015a](#) – Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.
- [Мионов, 2015b](#) – Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.
- [Эриксен, 2014](#) – Эриксен Т.Х. Что такое антропология? М.: Высшая школа экономики, 2014. 160 с.
- [Malinovski, 1960](#) – Malinovski B. A Scientific Theory of Culture and Other Essays. New York: Oxford University Press, 1960. 228 p.
- [Tax, 1941](#) – Tax S. World View and Social Relations in Guatemala // American Anthropologist. 1941. XLIII, Nr 1 (new ser.). January – March. P. 27–42.

References

- [Eriksen, 2014](#) – Eriksen T.Kh. Chto takoe antropologiya? [What is Anthropology?]. Moscow: Higher School of Economics, 2014. 160 p. [in Russian].
- [Malinovski, 2005](#) – Malinovski B. A Scientific Theory of Culture and Other Essays. New York: Oxford University Press, 1960. 228 p.
- [Merdok, 2003](#) – Merdok Dzh.P. Sotsial'naya struktura [Merdock G.P. Social Structure]. Moscow: OGI, 2003. 608 p. [in Russian].
- [Mironov, 2013](#) – Mironov B.N. Strasti po revolyutsii: Nravyy v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii [The passion for the revolution: mores in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. 336 p. [in Russian].
- [Mironov, 2014](#) – Mironov B.N. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].
- [Mironov, 2015a](#) – Mironov B.N. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].
- [Mironov, 2015b](#) – Mironov B.N. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].
- [Tax, 1941](#) – Tax S. World View and Social Relations in Guatemala // American Anthropologist. 1941. XLIII, Nr 1 (new ser.). January – March, pp. 27–42.

УДК 94(47)

Российские имперские принципы и технологии управления этноконфессиональным разнообразием и интеграции традиционных социокультурных систем

Игорь Иванович Верняев ^{a, b, *}

^a Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vigoriv@mail.ru (И.И. Верняев)

Аннотация. Статья посвящена обсуждению новой монографии Б.Н. Миронова по социальной истории России имперского периода «Российская империя: от традиции к модерну». Одной из основных характеристик книги является ее принципиальная междисциплинарность и использование разнообразных исследовательских методик и стратегий. Автор обсуждаемой монографии синтезирует подходы социальной, экономической, политической, визуальной истории, социальной антропологии/этнографии, исторической демографии, социологии, политологии и психологии. Автор статьи, этнограф по специальности, читал эту книгу с точки социальной антропологии/этнографии, «глазами этнографа». В статье показано, что Б.Н. Миронову удалось глубоко проанализировать принципы и технологии управления этноконфессиональным разнообразием и трансформацией традиционных социокультурных институтов. В статье обсуждается, как автор исследования выявляет и анализирует такие имперские принципы и технологии управления этноконфессиональным разнообразием, модернизации и интеграции социокультурных систем, как сохранение статус-кво, относительной автономии этнических групп на первых стадиях инкорпорации национальных окраин, этническая и конфессиональная толерантность, использование промежуточных симбиотических (неотрадиционных, на языке этнографии) институтов, конфессионализация, преобладание социальной ассимиляции над этнической ассимиляцией, легитимация и нобилитация национальных элит, включение их в систему управления империи, расширение и адаптация сословной системы для включения в нее новых групп населения национальных окраин, конфессионализация религий, наделение духовенства правами и обязанностями в административной системе. В статье эти процессы интерпретируются с точки зрения разработанных в современной этнографии моделей традиционных обществ и культур, способов их модернизации и инкорпорации в современное общество.

Ключевые слова: Российская империя; традиционное общество и культура; модернизация; этноконфессиональная политика; имперская интеграция; междисциплинарность; колонизация; поликонцептуальный подход; социальная ассимиляция; имперский этнопатернализм.